

Моей семье посвящается

Дисклеймер:

Все персонажи и события в этом тексте
являются вымышленными.

Все совпадения с реальными
людьми и событиями случайны.

Я смотрю в свое окно. Уже лет тридцать,
как левый нижний угол наружного стекла
откололся и папа склеил его изолентой.

Папы нет уже пять лет. Из окна виден
мой детский сад. Я помню каждое дерево
на его территории. Запах группы.

Лица одноклассников и момент, когда
воспитательница говорит:
«За тобой пришли».

Глава 1

Черная полоса

Детский сад «Тополек», куда я самостоятельно, а потому гордо шагал каждое утро, находился прямо за нашим домом. Обычно, захлопнув дверь квартиры, я сбегал по лестнице с третьего этажа, скользя рукой по перекладинам подъездных перил, каждая из которых отзывалась на прикосновение моей ладошки своей нотой. Эту мелодию я знал наизусть — с нее начинался каждый будний день моего детства. Но сегодня мне было не до музыки. Дверь подъезда с треснутой фанерной вставкой, выкрашенной в синий, легко распахнулась и выпустила меня на улицу. Ночью прошел дождь, и неровный асфальт вдоль дома был покрыт пятнами небольших лужиц, как шкура жирафа на картинке в не помню какой книге. Вспомнив мамино «Не ходи по лужам» и оглянувшись на окно кухни (мамы в нем не оказалось), я смело затопал напрямик, дерзко

разбрызгивая жирафные лужи новыми ботинками. Мне казалось, что, уничтожая их беспечную гладь, я мщу миру за свои злключения. Дойдя до угла дома, я повернул направо и прошел мимо крыльца кулинарии. Она была еще закрыта. По какой-то неведомой причине человек, проходящий мимо торца дома в любое время дня и ночи, попадал в невероятной силы поток аромата свежей выпечки. Обычно я останавливался здесь на минутку понюхать воздух. Мне очень нравилось улавливать в теплых волнах отдельные запахи. Вот это сочень. А это, похоже, пирожок с повидлом. Или свежая глазированная полоска. Обычно, но не сегодня. Сегодня я миновал кулинарию без остановки и подошел к дороге, на другой стороне которой стоял детский сад. В это утро он казался неприветливым и зловещим. Сегодня все казалось мне неприветливым и зловещим.

Вчера вечером ничто не предвещало беды, пока папа не решил надеть в гости свои золотые запонки. Запонки достались ему от его отца — моего деда Давида. Были подарены на свадьбу. Надевал их папа редко, по особым случаям. Они входили в комплект, который назывался «на выход». Еще в комплекте была белая рубаша с дырочками на рукавах вместо пуговиц, коричневый костюм, блестящие кожаные туфли, галстук и штука, которой этот галстук прикреплялся к рубашке. У меня тоже был свой комплект на выход. И у брата. И у мамы. Но только у моего папы в комплекте были такие запонки. О них и речь.

Знали бы писатель Стивенсон и дедушка Давид, к чему приведут роман «Остров сокровищ» и старые портновские ножницы. Какая связь? Просто месяц назад чрезвычайно одаренный и смысленный ребенок, каким считали меня все соседские бабушки, был поражен одноименным фильмом. А точнее, волшебным блеском драгоценных камней в сундуке мертвеца, на который, как вы знаете, претендовали пятнадцать человек. Романтическая натура взяла верх, и, справедливо рассудив, что каждый человек имеет право на пару-тройку драгоценных камней, я незамедлительно приступил к их поиску. Поиски начались и закончились в родительской шкатулке. Клад был найден. Как вы догадались — папины запонки. Но возникла проблема. Мне нужны были только камни. И вот, дождавшись момента, когда родители оставят меня одного, а брат уйдет гулять, не теряя ни минуты, я, оправдывая оценки пожилых соседок, огромными портновскими ножницами, кстати, тоже доставшимися от дедушки Давида, вспорол презренный желтый металл запонок и стал обладателем двух маленьких драгоценных звезд. Исковерканные запонки были положены на место в коробочку, коробочка в шкатулочку, шкатулочка в трюмо, пахнущее мамиными духами и помадами. Камни закопал. В надежном месте. Под цветком алоэ, в горшке, в спальне родителей.

Вечером, доедая рисовую кашу и услышав истошный папин крик, я понял все и сразу. Сотой доли секунды хватило мне, чтобы среагировать и запереться

в туалете. Я всегда запирался в туалете в минуты опасности. Об этом свидетельствовали многочисленные парные отверстия, оставшиеся от шурупов, которыми папа прикручивал на новое место дверной шпингалет, вырванный после очередной осады. Не знаю, что заставляло меня каждый раз запираться в сортире и не открывать дверь, несмотря на все уговоры. Я знал, что это не поможет и защелка не выдержит папиного гнева, но ведь мы всегда хотим отсрочить неизбежное. После папиного предупредительного рывка должен был последовать второй, которого дверь, конечно, не выдержала бы. И тут в моей голове мелькнула, как мне тогда показалось, гениальная мысль, и я закричал: «Папа, не надо! Я сам выйду!» Шум за дверью стих, и я, казалось бы покорно выйдя из туалета, опрометью ринулся к электророзетке, сжимая в руке мамину шпильку. «Если подойдешь — воткну!» — крикнул я и приставил шпильку к отверстию. «Втыкай», — ответил папа и сделал шаг в моем направлении. Он же не думал, что его сын, как бы это помягче... Короче, в следующее мгновение меня, как бы это опять помягче... так шарахнуло током, что я отлетел и размазался по противоположной стене коридора. Волосы у меня реально встали дыбом. Ни ремень, ни ладонь папе негодились, ибо я наказал себя сам. Подъезд лишился электричества, мама — шпильки, а я — прогулок и лимонада на месяц.

Понятно, что на следующий день мне все казалось мрачным и зловещим. День не задался с самого

утра. Потихоньку от папы — после вчерашнего он мог и не разрешить — мама дала мне десять копеек на мультфильмы. Помните, раньше в саду группой ходили в кино, и детский сеанс стоил десять копеек? Уже в том нежном возрасте у меня была одна вредная привычка. Нет, конечно, я не курил и не пил тем более. Но я почему-то очень любил носить деньги во рту. Естественно, только монеты. Купюры мне еще и не давали, к моему большому сожалению. Выйдя из квартиры, я, как обычно, засунул десять копеек в рот и, гоняя во рту денежку, а в голове — мрачные мысли о своей тяжелой доле, отправился в детский сад. Подойдя к большой и тяжелой входной двери, я с трудом двумя руками, преодолевая сопротивление толстенной пружины, приоткрыл ее и юркнул внутрь. Как оказалось, юркнул я недостаточно быстро, потому что дверь меня догнала и врезала по заднице. И в этот момент я проглотил свои десять копеек.

Это был первый несъедобный предмет, который я съел за свою недолгую жизнь. Мне стало страшно, что я умру и не пойду на мультфильмы. И если со смертью было еще не все понятно, то мульты мне точно не светили. Если я умру, то какие тут мульты, а если даже не умру, то денег на билет все равно нет. Испугавшись, я взбежал на второй этаж, где находилась наша группа, и бросился к воспитательнице: «Татьяна Ивановна, я проглотил десять копеек! Что теперь будет? Я умру?» Татьяна Ивановна сделала озабоченное лицо и ответила: «Нет, Олег, ты будешь жить, но станешь

копилкой...» В шесть лет я точно знал, что ребенок не может превратиться в грибок с прорезью, поэтому понял, что воспитательница шутит. «А мультфильмы?» — спросил я. «Мультфильмы придется пропустить. Будешь помогать тете Мане накрывать полдник».

Пока группа наслаждалась мультфильмами в кинотеатре, я наслаждался обществом тети Мани. Надо сказать, что тетю Маню я правда очень любил. Ее все любили. Тетя Маня была нашей нянечкой. Мне кажется, что она прямо родилась нянечкой. Вот в этом белом переднике, в этой косынке, с большим носом картошкой и добрыми-предобрыми глазами. У тети Мани не было возраста. Правда. Я до сих пор не знаю, сколько ей было лет. Вроде старше всех, но не бабушка. Бабушка была у меня дома. А тетя Маня... Ну, наверное, она была такая добрая, что непонятно было, когда она родилась. Непонятно же, когда появилась доброта. Но в тот день я дулся на всех. Даже на тетю Маню. Ведь все были в кинотеатре «Ладога», а я разносил кружки.

Я родился и вырос на берегу Ладожского озера в городе Питкяранта, и в нашем городе все называлось «Ладога» или «Питкяранта». Кинотеатр «Ладога», ресторан «Питкяранта», мастерская обуви «Ладога», хлебный магазин «Питкяранта» и так далее. Правда, бывали исключения. Например, местная газета называлась «Новая Ладога».

Вареная детсадовская свекла сегодня была особенно противной, колготки сползали с ног и сбивались

в тапках гораздо быстрее, чем обычно, и новая машинка Толи Комеля вызывала гнетущее чувство собственной неполноценности. Но природная жизнерадостность взяла верх, и ко времени прогулки я начал забывать, что меня окружает жестокий мир, полный коварных ловушек и неожиданных неприятностей. Тут-то все и началось. Вернее, продолжилось.

Как в любом стандартном детском саду, в нашем было четыре группы. Младшая, средняя, старшая и подготовительная. Соответственно, и двор детского сада был поделен на четыре резервации. Каждая со своими границами, своей верандой, за которой справлялись исключительно свои «групповые» надобности, и со своим детским домиком. Вот это безобидное строение и стало причиной моего немислимого позора. Надо сказать, что наш домик несколько отличался от остальных. У него был потолок. Не просто, знаете ли, крыша коньком, а настоящий потолок из добротных досок. И вот одна из досок пропала. Наверное, понадобилась кому-то из жильцов близлежащих домов. Добытчик был человеком интеллигентным и не только не повредил остальные доски, но даже аккуратно сложил на скамеечке гнутые гвозди — мол, нам лишнего не надо. Так вот, благодаря неизвестному похитителю у нас появилось дополнительное помещение, этакий таинственный чердачок, куда среднестатистический ребенок мог забраться головой вперед, почувствовать себя разведчиком и выползти, не меняя положения

тела и нащупывая ногами заветный лаз. Я средне-статистическим ребенком не был. Я был очень толстым ребенком, вскормленным на пирогах бабы Клары, рисовой каше бабы Ривы и молочных коржиках, которые покупал сам в нашей кулинарии на мелочь, стыренную из карманов старшего брата. Но ведь толстым тоже хочется быть разведчиками. К тому же я не мог даже представить кошмара, который ждет меня впереди. Короче, когда очередь лезть дошла до меня, я залез. До половины. Вернее, до середины... живота и застрял. Гвозди, торчавшие из досок, не позволяли мне двинуться назад, впиваясь при малейшей попытке освободиться. Часть тела, располагавшаяся выше моей ватерлинии, пребывала в темноте и неизвестности, другая же свисала с потолка и дергалась в тщетных попытках спасти первую. Через несколько минут безуспешной борьбы с домиком я взмолился о помощи, и над мирно пасущимися детьми взвился крик: «Татьяна Ивановна, Любашевский застрял!» Через минуту возле домика собрались все воспитатели и нянечки, через две — абсолютно все воспитанники всех четырех групп, через пять — пришел дворник Савелий Семёнович с пилой и гвоздодером. К этому времени я уже рыдал. Не знаю, от чего больше — от страха перед угрозой провести остаток жизни врасстоя в домик или от стыда и позора, представляя себе момент своего освобождения. Меня выпилили. Происшествие это неделю обсуждалось коллективом детского сада, его воспитанниками и их родителями.

Короче, всем городом. Я же с тех пор ненавижу чердаки любых размеров и любой формы. Ненавижу.

Чердаки чердаками, а мне нужно было продолжать жить среди этих людей... Вы сами знаете, сколько для нас значит общественное мнение, а мнение детсадовского сообщества и конкретно моей группы грозило мне сомнительной перспективой разделить славу с небезызвестным Винни-Пухом. Нужно было действовать решительно. Пока мои товарищи мирно посапывали во время послеобеденного сна, который мы терпеть не могли в детском саду и о котором почти все грезим сейчас, я лихорадочно перебирал способы реабилитации своей поруганной чести. К моменту подъема я осознал, что выход из сложившейся ситуации только один: я должен стать лучшим. Лучшим во всем.

Случай начать приводить план в действие представился очень скоро. После сна воспитательница посадила нас лепить из пластилина самолетики. Я, естественно, решил, что должен опередить всех, поэтому с необычайным рвением взялся за создание своей скульптуры. Но возникло неожиданное препятствие. Вернее, надобность. А еще точнее — нужда. Можно даже сказать — большая нужда. Передо мной отчетливо встал выбор между суетным и вечным: либо я удовлетворяю свои сиюминутные потребности, либо думаю о будущем. Как мальчик умный, я, конечно, выбрал второе и так слепил самолетик первым. Собрав волю, и не только волю, в кулак, я подошел к воспитательнице

и, положив на стол пластилиновый шедевр, попросил разрешения удалиться. Получив положительный ответ, я стремительно посеменял в туалет, стараясь при этом сохранять достойную осанку. Как вы знаете, туалетные комнаты в детских садах представляют собой помещение из двух частей. Первая — это умывалка, а уже за ней то самое место, куда я так стремился. Так вот, меняхватило только до умывалки. Заскочив в нее, я захлопнул за собой дверь, и одновременно с ее грохотом захлопнулась дверь в мое светлое будущее. Глаза мои мгновенно наполнились слезами, а колготки... Все двери в этот день были против меня. Все двери в этот день были для меня закрыты. Там, за стеной, мои ровесники лепили самолетики, и я понимал, что не могу выйти к ним с полными колготками. Путь в общество был закрыт навсегда. Оставалось одно — бежать. И я побежал. Закрыв дверь из туалета, куда я так стремился, благо на ней был крючок, я открыл окно. Наша группа находилась на втором этаже, но рядом с окном располагалась старая, коричневая от ржавчины водосточная труба. Было страшно... Но выхода не было. И я это сделал. Я перелез на трубу и медленно пополз вниз. Я уже говорил, что был мальчиком, мягко скажем, очень плотненьким... Не успел я преодолеть и полуметра, как труба с охлаждающим детское сердце скрежетом начала отделяться от стены, и я тут же впал в ступор и застыл, обхватив железяку всеми конечностями, которые свело от жуткого страха высоты. Не знаю, к счастью ли моему или

к горю, но в это время внизу проходил тот самый дворник Савелий Семёнович, который несколькими часами раньше выпиливал меня из домика. Увидев висящего на трубе на уровне второго этажа маленького толстого еврея в полных колготках — конечно, колготки он не разглядывал, это я так добавил, для красного словца, — так вот, увидев висящего на стене детского сада ребенка, он ринулся в группу с неожиданной для его столь преклонного возраста прытью. Если бы у дверных крючков и защелок была душа, то они, наверное, ненавидели бы меня всей этой самой душой. Уж больно часто их вырывали из дверей, чтобы до меня добраться. Итак, дверь, теряя крючок, распахнулась, и в туалет влетели дворник и воспитательница. Савелий Семёнович схватил меня, Татьяна Ивановна схватила Савелия Семёновича, и меня, как репку, втащили обратно в окно. Потом я, упав на колени, умолял, чтобы никто никому ничего не рассказывал, Татьяна Ивановна мыла меня и переодевала в рейтузы из шкафчика. Для детей была придумана легенда о том, что мне стало плохо и я потерял сознание. Я тут же стал героем группы, а потом и всего детского сада. Это ведь невозможно круто — потерять сознание.

Когда за мной пришел папа, он, конечно, как и любой другой папа на его месте, не заметил, что я уже в рейтузах. Татьяна Ивановна вынесла ему пакет, состоящий из моих колготок, завернутых в несколько слоев газет. Я, кстати, недавно научился читать и читал все надписи, попадавшие мне на глаза. Как

сейчас помню заглавие какой-то статьи на этой газете: «Подвиг во имя...» Во имя чего, было не видно, потому что газета в этом месте загибалась. На вопрос: «Что это?» папа получил ответ: «Это вам сюрприз от сына. Возможно, там даже есть деньги!» — «Да?» — живо отреагировал папа и потянулся развернуть сверток. «Нет-нет. Дома посмотрите». Татьяна Ивановна сдержала слово и никому ничего не сказала. Мое уважение к ней будет жить столько, сколько буду жить я.

Вот такой был денек... Дома папа развернул пакет. Но об этом лучше не писать...

Глава 2

Белые клавиши

Я купил дочке пианино. «Красный Октябрь» 1965 года выпуска. Такое же, какое мама взяла в пункте проката, когда мне было шесть лет. Это было событие, сравнимое для меня разве что с Новым годом. Четыре здоровых дядьки втащили блестящее, как наша полированная стенка в гостиной, коричневое чудо на третий этаж, больно придавливая друг друга на поворотах к перилам и обмениваясь выкриками, значения которых я еще не понимал, хотя и слышал некоторые такие слова от старших пацанов во дворе. Однако по порядку.

Однажды я пришел из детского сада и с загадочным видом попросил маму и папу сесть на диван в большой комнате. Папа отложил газету, мама — недолепленные котлеты, и я начал одно из первых своих выступлений. Включив проигрыватель «Рекорд-320»

и поставив пластинку группы, кажется, «Самоцветы», я под песню «Увезу тебя я в тундру» лихо отплясал вприсядку. Родители восторженно зааплодировали. Теперь, когда я сам родитель, я понимаю, что особо восторгаться наверняка было нечем, что в этих аплодисментах папы и мамы крылся аванс моим предполагаемым будущим жизненным успехам. Но тогда, окрыленный признанием, я, подбоченясь (подбочиваться нас научили, когда мы готовили в саду танец казачков ко Дню Советской армии), заявил, что хочу учиться играть на пианино. На резонное родительское предложение пойти в танцевальный кружок я ответил категорическим отказом и добавил что-то вроде того, что они ничегошеньки не понимают в искусстве. Если точнее, то с криком «Только пианино!» упал на пол и стал рыдать. Папе и маме не помогло ничего. Ни то, что они убедительно объясняли мне, что в музыкальную школу берут с семи лет, а мне только шесть, ни то, что сейчас на дворе ноябрь, а вступительные экзамены в сентябре... Дело дошло до истерики, которая повторялась день за днем, как только я возвращался из сада. В конце концов родители сломались, и папа позвонил в музыкальную школу... Не знаю, каких трудов ему стоило уговорить педагогов сделать для меня исключение, но они это сделали.

И вот день настал. На меня надели матросский костюмчик — это был мой комплект на выход, и за руку с папой я отправился на индивидуальный вступительный экзамен. Сердце мое трепетало, когда